

ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ ВЛАСТНОГО, ГОСУДАРСТВЕННОГО*

И.В. РЕБРОВА

*Кубанский государственный
технологический университет,
г. Краснодар*

e-mail: karavan5@mail.ru

Предлагаемая статья – попытка на конкретном примере показать методику дискурс-анализа для интерпретации устных историй о Второй мировой войне. Текст интервью является источником для понимания современности, демонстрирует механизмы проникновения социальной практики в нарратив о войне. Методология критического дискурс-анализа ставит следующие исследовательские вопросы: как социальная практика влияет на язык повествования рассказчиков, и шире, почему возможна существующая модель понимания истории Второй мировой войны в современном российском социуме, и как эта модель «уживается» с индивидуальными переживаниями событий прошлого в рассказе информанта.

Ключевые слова: Великая Отечественная/Вторая мировая война, устная история, индивидуальная и коллективная память, критический дискурс-анализ.

Критический дискурс-анализ с конца прошлого века заявляет о себе как о методе выявления условий производства и интерпретации текстов, ставящий целью изучить связь между дискурсом и реальностью. По мнению европейских исследователей этот метод направлен на изучение способов производства социальной реальности, в то время как другие качественные методологии работают на понимание и интерпретацию ее как данности. Исходя из работ Нормана Фэрклоу, Тойна А. Ван Дейка и других исследователей¹, можно выделить три аспекта в изучении дискурса: анализ текстов в рамках дискурсов, выявление их в исторического и социального контекста, изучение конкретных акторов, отношений и практик, характеризующих предмет исследования. В подобных исследованиях происходит работа не с языком, а с условиями производства текста.

Применительно к устным интервью о Великой Отечественной/Второй мировой войне нам важно выявить механизмы создания рассказа информанта, чтобы понять, как и почему социальная действительность настоящего влияет на передачу информации о прошлом, как в рассказ о лично-пережитых событиях военного времени вплетается властный дискурс современных оценок Второй мировой войны. Нарративный и другие виды устоявшихся в устно-исторической практике анализов транскрипта устного интервью могут дать нам информацию о самом рассказчике, помогут реконструировать военную повседневность, ответить на вопросы о механизмах существования коллективной и индивидуальной памяти о событии. Методология же критического дискурс-анализа ставит вопросы иного содержания, а именно, как социальная практика влияет на язык повествования рассказчиков, и шире, почему возможна существующая модель понимания истории Второй мировой войны в современном российском социуме, и как эта модель «уживается» с индивидуальными переживаниями событий прошлого в рассказе информанта.

Попытаемся на конкретном примере показать методику дискурс-анализа в работе. Для этого выберем одно устное интервью в качестве отправного текста для анализа. Качественная методология позволяет выявлять в качестве материала для работы одно интервью. В понимающей социологии объективность социальных явлений не нечто данное,

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственный контракт № 14.A18.21.0052.

¹ Fairclough, N. The Dialectics of Discourse // <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (русский перевод Фэрклоу Н. Диалектика дискурса // Современный дискурс-анализ <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.html>; Phillips, Nelson and Hardy, Cynthia. What Is Discourse Analysis? In N. Phillips and C. Hardy Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction. Thousand Oaks, CA. 2002. Sage. P. 1-18. (Русский перевод Филлипс Н., Харди С. Что такое дискурс-анализ // Современный дискурс-анализ <http://discourseanalysis.org/ada1/st5.html> и др.

поскольку она возникает и формируется из субъективно ориентированных действий отдельных людей. Общество идеально, а не материально; оно не объективная реальность, а искусственное явление, созданное людьми, то есть культурный продукт. Поэтому работающие в данной парадигме исследователи стремятся понять, почему нормальный общественный человек воспринимает социальные явления как объективные, хотя они объективны лишь в той мере, в какой находят подкрепление в человеческой вере и действиях, ее подкрепляющих (причем в исторически определенный момент)². Качественная социология все чаще использует устные источники (биографические, нарративные интервью) для анализа социальной действительности³. В нашем случае текст интервью станет источником для понимания современности, продемонстрирует механизмы проникновения социальной практики в нарратив о Второй мировой войне.

Предлагаемое для анализа интервью было взято в июне 2008 года в г. Краснодаре, дома у информантки. Рассказчица, Галина Станиславовна Оленская, 1934 года рождения, уроженка г. Краснодара, является ребенком войны. Она пережила оккупацию родного города в возрасте 8-9 лет. После войны Галина Станиславовна окончила школу в Краснодаре, получила высшее образование в МГУ на факультете политической экономии. После возвращения из Москвы, она долгое время работала в Краснодарском сельхозинституте, вела активную общественную деятельность: сотрудничала с краевыми радио и газетами, где публиковала и готовила материалы о Великой Отечественной войне. В настоящее время она находится на заслуженном отдыхе. Накопленный за годы работы материал о войне несколько лет назад Галина Станиславовна передала в Краснодарский краевой историко-археологический музей-заповедник им. Фелицына. С детских лет Галина вела дневник, писала воспоминания о периоде оккупации города Краснодара, которые хранятся в Государственном архиве Краснодарского края. До сих пор подготовленные ею материалы и статьи о ней самой публикуются в краевой прессе.

В нарративе информантки явно прослеживается два уровня повествования: период войны и настоящее время. Речь информантки отражает современную ситуацию вокруг обсуждения и изучения истории Великой Отечественной войны. Так, после распада Советского Союза в исторической науке наблюдалась либерализация во взглядах и интерпретациях событий прошлого. Ранее табуированные темы о предвоенных репрессиях, просчетах командования в начале войны, сложностях восстановления экономики в послевоенные годы стали проникать в средства массовой информации, общественную жизнь, научные работы исследователей. В рассказе информантки, яркой представительницы советского времени появляются подобные сюжеты как следствие восприятия социальной практики индивидуальным опытом: *«И такие враги и здесь были. И, собственно... как раз тоже было вредительство огромное внутри страны. И так, я, в общем-то, никогда это никому не говорила, все равно у меня тоже репрессия, наверное, была в семье. Это муж моей тети»*⁴.

Фраза *«я в общем-то это никому не говорила»* показательна в нескольких отношениях. Во-первых, упоминание запретных сведений в публичном дискурсе (а интервью может быть примером такого дискурса именно благодаря его назначению – это сознательно формируемый источник для анализа прошлого, и информант отдает себе отчет в том, что его речь будет использована в научных целях в дальнейшем, а значит выйдет за рамки «информант-интервьюер») демонстрирует изменение российского общественного мнения в сравнении с советским на некоторые темы прошлого (в частности, темы о предателях и репрессированных родственниках). Также такая формулировка может быть расценена и как желание информантки «встроиться» в существующую модель воспоминания прошлого. Таким образом, время создания нарратива влияет на характер самого

² Мальшева М. Интерактивное интервьюирование и нетрадиционные способы интерпретации данных // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях: Материалы семинаров / Под ред. М. Мальшевой. М., 1997. С. 103.

³ Устная история и биография: женский взгляд. / Ред. и сост. Е.Ю. Мещеркина. М., 2004. С. 8.

⁴ Интервью с Г.С. Оленской // Архив Устной истории СНО КубГУ, интервью [Ф. ДВ-08. Д. № ИР06]. Информант родилась в 1934 г. в г. Краснодаре, имеет высшее образование, интервью проходило в квартире информантки. Общая продолжительность интервью 108 мин.; Интервьюер - Реброва И.В.; транскрипция Нищенко Н., Окузь Е.

диалога и становится своеобразным мостом между существующей социальной практикой и ее усвоением и дальнейшей репрезентацией в нарративе информантки.

Влияние времени проведения интервью прослеживается и в эмоциональных оценках событий прошлого. Информантка цитирует письмо бойца Красной армии. Будучи пионеркой, после освобождения Краснодара Галина Станиславовна переписывалась с солдатами, ребята всем классом посылали на фронт теплые вещи, справлялись об их здоровье, а в ответ получали письма-благодарности. Информантка цитирует сохранившееся письмо солдата и параллельно делает комментарии: «*Вот, когда будешь писать ответ, напиши какую-нибудь новинку из песни*». *Вот, пожалуйста, человек берет Берлин, а новинку из песни, из кинофильмов. "Ведь в этой проклятой Германии так отстаешь от жизни. Бои, бои и еще раз бои. Так хочется посмотреть кино. Здесь тоже весна, но весна суровая, военная. Нет такой красавицы весны как у нас на Родине, на привольной нашей Кубани. [плачет] Заканчиваю. Привет Краснодарцам. Да здравствуют пионеры и пионерки*»⁵.

Четкая грань между «*проклятой Германией*» и «*привольной нашей Кубанью*» усвоена ребенком войны на века. Не смотря на трансформацию отношения к Германии как к стране-противнице в годы войны и в настоящее время, в риторике рассказчицы постоянно присутствует деление на «своих» и «чужих», «наших» и «врагов». Оппозиция «свой/чужой» лежит в основе всех человеческих взаимоотношений и в основе культуры в целом. Присутствие «чужих» в картине мира, противопоставление себя «чужим» объективно способствует внутреннему сплочению и мобилизации группы любого рода. Действительно, оно делает менее значимыми все ее внутренние различия и противоречия по сравнению с различиями и противоречиями группы с «чужими».

Вот пример эмоционального описания встречи советского солдата на освобожденной от оккупации Краснодарской земле: «*Вот вошли наши [здесь далее выделение мое – И.Р.] когда в Краснодар утром рано тоже, помню, побежали все. Мы ждали же уже этого освобождения. И вот шли солдаты, боже мой, вот, я не знаю, мне они казались вообще какими-то витязями. Неизвестно откуда, с небес сошедшие. И красивые все такие. Мы похватили все, что у нас было. Там кто-то тащит брагу варенную, кто-то початок кукурузы, кто-то лепешки тащит, кто-то кашу в каком-то горшочке. Ну что у кого было, кто-то семечки жаренные целый кулек, то мы им сьем, а они достают из карманов... и сахар в основном давали. Вот у них такие пакетики были и там сахар-рафинад. И они значит нам. Нет! Ешь, ешь, у нас еще есть, у нас еще есть. И какие цветы им мы там полевые все около затона нарвали. Снова побежали, снова им всем давали, кидали в них. Прямо это был такой счастливый день, но я даже вам передать не могу*»⁶.

Следующая цитата показывает отношение с «чужим», не своим: «*Я ходила в этот детский сад как раз и потом там немецкая часть стояла. Была кухня немецкая и у самых ворот стояли эти огромные чаны. Они выбрасывали туда все. Ну, вот, чистят все и выбрасывают туда. И мы с ведерками все малышня значит туда, все выбираем, выбираем в эти ведерки свои. Вывозить им не приходилось*»⁷.

Мифологема «свой/чужой» получает свое проявление в оппозиции «наши – не наши» / «мы – враги». Долгое время в массовом сознании советского общества образ врага-фашиста ассоциировался с образом врага-немца. Для массового сознания в России этот образ дает травматический предел человеческого. В пропагандистской риторике гитлеровцы всегда служили абсолютной мерой негативного: редукция к этим образам означала безусловные характеристики бесчеловечного, аморального и злого⁸. В последнее время образ врага связывается с фашизмом, а не с национальной принадлежностью побежденных в Великой Отечественной войне.

Вообще, воспоминания фронтовиков и жителей оккупированной территории могут дать цельное представление об образе врага, «Чужого». На его формирование боль-

⁵ Интервью с Г.С. Оленской ....

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интерграции // Образ врага / Сост. Л. Гудков. М., 2005. С. 59.

шое влияние оказали официальная идеология и массовая пропаганда, частью которой была ненависть к фашистам-немцам. Доминирующей чертой массового сознания советского общества было активное неприятие политики и практики оккупантов, их идеологии и морали⁹. Психологическая природа противостояния как формы выражения мыслей и поступков людей вытекала из сущности самой войны. По мнению Е.Зубковой, только на войне психологическая конструкция «мы/они» существует в чистом виде обоюдного неприятия. Императив «Убей его!» был главным принципом «науки ненависти», которую на войне прошло большинство участников военных действий. «Они» воспринимались как враждебное сообщество, ничего общего не имеющее с тем, что объединялось понятием «мы»¹⁰. Данное мифологическое восприятие образа врага отложилось прежде всего в письменных послевоенных воспоминаниях, где присутствуют эмоционально-негативные описания врага – «изверги», «фрицы», «фашисты», «мародеры», «враги человечества»¹¹.

«Чужие» вызывали у детей, прежде всего, страх, опасность, угрозу для жизни: «А немцев часто видели вообще? Приходилось сталкиваться? - Приходилось. Приходилось, конечно. Но мы старались избегать как-то этого, понимаете, мы их боялись»¹².

Само по себе существование «чужого» и «чужих» угрожает в восприятии индивида и группы значимости и самому существованию «меня» и «своих». По этой причине единственной возможной и оправданной реакцией на «чужого» в рамках такого рода бинарной оппозиции являются отторжение и агрессия. «Чужой» обязательно должен быть в результате подобной агрессии побежден, унижен, уничтожен морально, символически, а в идеальной ситуации – и физически¹³. «Чужой» отмечает внешние границы «своих», пределы понимания и идентичности группы. От врага можно защититься, укрыться, уйти или победить его. Но в любом случае враг представляет собой апеллятивный фактор, мобилизующий всех членов сообщества к солидарности и сплочению вокруг власти или группового авторитета, который гарантирует условия безопасности и избавления от угрозы уничтожения¹⁴. Поэтому информантка большое внимание отводит освобождению города Краснодара от оккупантов. Радость встречи освободителей, «своих» и изгнание «чужих» в устных воспоминаниях становится своего рода мифологемой победы добра над злом.

Там не менее, настоящая ситуация в отношении общества к врагу постепенно размывается: в четко негативные конструкты речи о враге вплетаются и иные образы немца, который мог помогать, угощать детей сладостями, тосковать по своей семье. В устных рассказах действуют не идеальные, деиндивидуализированные персонажи, обладающие какими-то характеристиками в силу своей принадлежности к одной из партий, а живые люди, поступающие тем или иным образом в силу собственной индивидуальности и создавших обстоятельства¹⁵.

Этой своей принципиальной инаковостью «другой» вызывает у субъекта не столько отчуждение и агрессию, как в случае с «чужим», сколько заинтересованное внимание¹⁶.

«А был у меня такой случай: значит, выбираю я шкурки все и вдруг не заметила, немец подходит и так меня по голове гладит. Я вскочила сразу, испугалась. Он мне что-то говорит, говорит. А я думаю: сейчас он меня убьет. Он, значит, полез в карман и достает шоколадку, плитку шоколада и мне протягивает. Думаю, что это отравка. Это отравка. Думаю, но если не возьму, он меня застрелит. Я, значит, беру и говорю «данке, данке»¹⁷. Он улыбается. Прихожу домой, держу за кончик [шоколадку],

⁹ Мальшева Е.М. Социоэтнические компоненты массового общественного сознания в годы Великой Отечественной войны: патриотизм, интернационализм и коллаборационизм // Информационно-аналитический сборник / Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 4. Майкоп, 2001. С. 166.

¹⁰ Зубкова Е. Общественная атмосфера после войны (1945–1946 гг.) // Свободная мысль. 1992. № 6. С. 6.

¹¹ См., напр.: Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1384. Л. 7.

¹² Интервью с Г.С. Оленской ...

¹³ Дубоссарская М.Л. Свой-чужой-другой: к постановке проблемы // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. №54. С. 168.

¹⁴ Гудков Л. Идеологема «врага»... С. 15.

¹⁵ Кормина Ж., Штырков С. Никто не забыт, ничто не забыто. История оккупации в устных свидетельствах // Память о войне 60 лет спустя. М., 2005. С. 223.

¹⁶ Дубоссарская М.Л. Свой-чужой-другой ... С. 170.

¹⁷ Нем. danke – спасибо.

говору: «мама, вот мне немец дал. Это, наверное, отравка». - «Да, нет. У него, наверное, такая же дочка, похожая на тебя. Вот он ее вспомнил и решил тебе дать». Ну всякие же немцы бывают. Не все же фашисты»¹⁸.

Примечательно, что подобные рассказы о положительном образе врага стали проникать в нарратив в постперестроечное время. Официальная история войны пережила кризис в интерпретации в процессе распада Советского государства и формирования российской идеологии. То, что раньше говорить было нельзя, вдруг стало всеобщим достоянием. Образ врага также претерпел некоторые изменения. Эта трансформация явно прослеживается в риторике информантки. Фраза «не все же фашисты» как бы легитимирует и наполняет разными смыслами образ врага.

Важным планом выражения дискурса является репрезентация. Социальные агенты в любой социальной практике производят репрезентации других практик, а также «рефлексивные» репрезентации их собственной практики (т.е. той, в поле которой они находятся в конкретный период). Они «реконтекстуализируют» другие практики¹⁹ – т.е., они инкорпорируют их в собственную практику.

Как видно, устное интервью – это один из вариантов репрезентации социальной жизни информантки. Рассказывая о событиях Второй мировой войны, Галина Станиславовна так или иначе использует язык современности, ее нарратив несет информацию как о прошлом (в частности, о периоде войны), так и о настоящем (времени проведения интервью). Изменение эмоциональных и смысловых оценок образа врага в риторике – наглядный тому пример.

На протяжении всего интервью информантка вплетала в рассказ о войне (непосредственная тема беседы) информацию из официальных источников, средств массовой информации. Такие слои текста устного интервью преследуют несколько целей. Апелляция к общеизвестным фактам, рассказы о героях войны призваны придать большую значимость рассказу информанта, усилить его роль в войне. Также, такие мини-рассказы говорят о работе государственной идеологии, о влиянии и присвоении коллективной памяти о событиях прошлого на индивидуальном уровне. При анализе подобных дискурсов у исследователей стоит задача выявления и разведения коллективного и индивидуального уровней памяти, изучения причин апелляции информантов к официальному, властному дискурсу.

MEMORY ABOUT THE SECOND WORLD WAR IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY: INDIVIDUAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF STATE IDEOLOGY

I.V. REBROVA

*Kuban State
Technological University,
Krasnodar*

e-mail: karavan5@mail.ru

This article is an attempt to use the methodology of the critical discourse analysis in the interpretation of the oral history stories about the Second World War. The main source of the article is one oral history interview with the child of the war. The text of the interview becomes the main source to understand and interpret the present life, demonstrates the mechanisms of penetration of social practices in the narrative of the war. The methodology of critical discourse analysis raises the following research questions: how social practices affect the language of the narrative story-tellers, and more, why can the current model of understanding the history of the Second World War in contemporary Russian society, and how this model "get along" with the individual experiences of past events in the story of the informant.

Keywords: the Second World War, oral history, critical discourse analysis, individual and collective memory.

¹⁸ Интервью с Г.С. Оленской ...

¹⁹ Bernstein B., *The Structuring of Pedagogic Discourse*. London, 1990; Chouliaraki L., and N. Fairclough. *Discourse in Late Modernity*. Edinburgh, 1999.